

18. **Цейтлин А. Г.** Русская литература первой половины XIX века: [Текст] / А. Г. Цейтлин. – М.: Сов. писатель, 1940. – 361 с.
19. **Шенле А.** Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840: [Текст] / А. Шенле. – СПб.: Питер, 2004. – 251 с.

Надійшла до редколегії 21.05.2009.

УДК 821.161

Г. С. Ключко

Днепропетровск

АМЕРИКАНСКАЯ МОЛОДЁЖНАЯ КУЛЬТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX века В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЮБКО ДЕРЕША

Аналізується зв'язок між романом Л. Дереша «Трохи п'тьми» та художніми текстами, музичними творами і суспільними уявленнями, які склалися у контексті американської молодіжної культури другої половини XX ст.

Ключові слова: молодіжна культура, музичний твір, художній текст, суспільні уявлення.

Анализируется связь между романом Л. Дереша «Немного тьмы» и художественными текстами, музыкальными произведениями и общественными представлениями, сложившимися в контексте американской молодежной культуры второй половины XX в.

Ключевые слова: молодежная культура, музыкальное произведение, художественный текст, общественные представления.

Dwells on the analysis of connection between L. Deresh's novel "A Little Bit of Darkness" and fiction, musical works and social ideas formed in the context of the American youth culture of the second half of the XX century.

Key words: youth culture, artistic text, musical work, social ideas.

Имя Любко Дереша неизменно фигурирует в списке наиболее популярных украинских писателей, вполне логично поэтому говорить о нём как о создателе произведений массовой литературы. Адресованность творчества Л. Дереша не самой квалифицированной аудитории, нарочное упрощение текстов отличают его, например, от ближайших соратников, Сергея Жадана и Юрия Андруховича (как известно, этими тремя авторами в 2008 году был издан совместный проект «Трицилиндровый движун любви»). Схожие мотивы, проблемы и культурные пласты по-разному интерпретируются этими писателями. Например, всех троих привлекает американская культура 50-х–70-х гг.: битники, левые идеи, революционность, движение хиппи и неизменно сопутствующие ему секс, наркотики (в русском изводе вместо них или вместе с ними часто используется алкоголь) и рок-н-ролл, другие молодежные субкультуры. Однако если Андрухович и Жадан осмысляют идеи, порожденные этой культурой, их влияние на недавнее прошлое и их судьбу в настоящем, то Дереш, в основном, предлагает хорошо знакомую молодому читателю внешнюю атрибутику контркультуры: ирокезы и хаера, ошейники с шипами и феньки, косухи и рваные джинсы... Такое обилие узнаваемых реалий не может не привлечь определённую часть читающей публики, придавая книгам, к тому же, аромат бунта и свободы, который тоже отлично продаётся. И всё же и в книгах Дереша связь с легендарной американской культурой не ограничивается «прикидом»,

как и романы старших товарищей, тексты писателя связаны с ней интертекстуально.

Под влиянием американской культуры 2-й половины XX в. написан последний изданный на сегодняшний день роман Дереша «Немного тьмы». Об этой связи в первую очередь сигнализирует схожесть названия романа и названия рассказа американского писателя Фрица Лейбера (1910–1992): «Немного мира тьмы». Эпиграфом к обоим текстам послужила цитата из романа «Рикша-призрак» Редьяра Киплинга: «У него в голове была трещина и немного Тьмы вошло через нее, что привело его к смерти» [3, с. 3], что еще очевидней подчеркивает связь этих произведений. Переключки несложно заметить и на менее поверхностном уровне: то тёмное, что пытается погубить героев обоих писателей, входит через двери, приоткрытые наркотиками.

Хотя в «Немного мира тьмы» об этом нигде не говорится прямо, описание галлюцинации, посетившей ночью в горах Калифорнии Глена Сибири, отчётливо напоминает описание психоделических трипов, особенно если принять во внимание, что рассказ написан в 1962 году, когда немедицинское использование недавно открытых ЛСД и псилобицина (впрочем, как и давно известных наркотиков) было на пике моды среди американской молодежи, так что писатель, если и не имел наркотического опыта сам, не мог не принять во внимание чужие переживания подобного рода: «...Скорость расширения моего сознания стала бесконечной, и мой разум растворился в звездах Млечного Пути и других газовых скоплениях за ним — над ним, под ним, повсюду среди звезд надира и зенита, на триллионах и триллионах планет этих звезд я ощущал бесконечное многообразие осознающей себя жизни...» [3, с. 17].

Роль наркотиков в романе Дереша отнюдь не завуалирована, читатель встречается названия различных препаратов на протяжении всего романа: «Тут-то ми вже пішли в рознос. Вінт, кетамін, ну, трава...» [2, с. 18]. Интересно сравнить уже приведенное выше описание измененного сознания Глена с трипами героев Дереша: «Мені так хуйово, як не було ще ніколи. Мені хочеться вити вовком і накласти на себе руки просто зараз. Я розумію, що мені хуйово після вінта, чий відхідняк я намагався змазати трамаadolом. Але дія трамаadolu закінчилася вчора вночі близько третьої й перейшла у середню, найважчу, фазу вінтового відходняку. Мене пробило холодним потом і, щоб зняти страх, який навалився на мене, я подрочив, потім увімкнув комп'ютер і спробував подивитися фільм, вже не пам'ятаю назви, але це було якесь психоделічне гівно, від нього хотілося лізти на стелю» [2, с. 8].

В описании подобных состояний Любко Дереш, правда, не новатор: достаточно вспомнить хотя бы «Низший пилотаж» Баяна Ширянова. Описание другого, измененного под влиянием тяжёлых наркотиков, сознания достойно «злого гения» В. Сорокина: это рассказ о молодом человеке, который из-за психических расстройств, вызванных наркоманией, решил стать космонавтом, который не будет нуждаться в пище. Для этого он поймал какого-то паршивого кота, порезал себе грудь и натёр её животным, в результате чего покрылся лишаями и гнойниками, исключительно которыми затем и питался. Здесь, как нам кажется, уже очевидно пародийное снижение образа исследователя

психического космоса. Таким образом, похоже, украинский писатель выстраивает своеобразное противопоставление: занятые благородным делом – расширением сознания – «психонавты» 60-х всколыхнули волну, пеной которой стали сегодняшние «припанкованные» наркоманы – если первые расширяли сознание навстречу космосу, то последние рыщут в канализации.

Возвращаясь к переключкам между «Немного тьмы» и «Немного мира тьмы» следует отметить, что и у украинского, и у американского писателей тьма символизирует подсознательное. Эта тема, как и название книги, заставляет вспомнить роман японского беллетриста Харуки Мураками «Послетьма», в чьём творчестве также постоянно подчёркивается преемственность по отношению к американской культуре. Обращают на себя внимание и некоторые сюжетные соответствия: ключевые для героев обоих писателей события совершаются во тьме, и у Мураками, и у Дереша это – ночь (лишь в случае с Лорной, героиней Дереша, – солнечное затмение).

Герои Дереша контактируют с подсознательным не только с помощью наркотиков, но и, используя магию, шаманские обряды – эта тема также стала популярной в контексте американской культуры шестидесятых. Рассматривая, как она интерпретируется в «Немного тьмы», уместно, как нам кажется, говорить не о пародировании, а о постмодернистской иронии, которая, согласно А. Полищук, исследующей дифференциацию пародии, иронии и стёба в современной украинской литературе, «не передбачає прямого ствердження чи, навпаки, відкидання, заперечення і часто спрямована не на сам об'єкт, а на уявлення, які склалися про нього» [6, с. 69].

Так, описание кульминации шаманского сеанса иронически резонирует с представлением о рок-певце-шамане, каким оно воплощено, например, в образе Джима Моррисона (группа "The Doors") и искажено последующими эстрадными группами и певцами, в чьём творчестве некоторые элементы внешней атрибутики наложились на развлекательную пустоту внутреннего содержания: «Аріведерчі, брате-шамане, – каже Алік і піднімає руку на прощання. – Яку тобі станцювати пісню на прощання?... – Станцюймо на прощання щось веселе, іде? Наприклад, „Кукареллу“. – Афірік Сімон? Хо-хо, моя молодість!...– Починай, батьку, – каже Герман...– Мулюнді ва мюланді, хафа-нана! Амана кукарелла, ша-ла-ла-ла!.. вони танцюють з дедалі більшим завзяттям... здається, якісь невидимі глядачі підтримують їх. ...Охоплює моторошне, божевільне враження, ніби ці двоє танцюють просто зараз на грандіозній сцені світу, і вселенський невидимий натовп із темряви підспівує їм та підбадьорює криками. – Ва-кі рі-ді Ва-кі-рі-да-ю та – Пула, Пула, Но-вена-а Хей, ва-кі-ю да-ю та – Ду-руку Ха-фа-на-на! Ва-кі рі-ді Ва-кі-рі-да-ю та – Пу-ла, Пу-ла, Но-вена-а! Амана куркарелла-а-а ша-а-а... ла-а-а... ла-а... і хором: ЛА!!!» [2, с. 80-81]. На возмущенный протест трезвомыслящего Йостека против абсурдности этого действия главный шаман по имени Алик, пятидесятилетний, с брюшком и лысый, мудро возражает: «Світ великий і таємничий, Йостеку. Одного дня ви це зрозумієте» [2, с. 81].

Как мы видим, автор действительно иронизирует не над шаманской практикой как таковой, но над её воплощением в массовой культуре:

комический эффект создаётся благодаря тому, что серьёзные последствия колдовства (в его результате все главные герои монодрамы излечиваются) сопровождаются бессмысленной песенкой Африка Симона. С другой стороны, этот фрагмент текста можно интерпретировать как акцентирование полезной функции эмоциональной разрядки, которую выполняют многие образцы массового искусства, тем более что сам автор, как уже было сказано, неоднократно провозглашал свою принадлежность к нему. Тот же рационалист Йостек, к примеру, поднимает себе настроение следующим образом: «Викрутив звук на максимум і спробував пропустити настрій співачки кризь себе:

Женіха хател-ла
Вот і залетел-ла
Ла-лала-ла-ла

Від цих дурнувятих слів мені стало набагато краще. Я відчув, що готовий дивитися в суворі очі дійсності з тим же оптимізмом, що й ця блондинка: Женіха хателла, вот і залє-телла, ла, ла-ла, ла, ла» [2, с. 137]. В любом случае, эти две интерпретации, думается, не противоречат друг другу.

Образ шамана стал популярен благодаря не только группе "The Doors", но и учению Дона Хуана, изложенному Карлосом Кастанедой (первая книга этой эпопеи – "The Teachings of Don Juan: A Yaqui Way of Knowledge" – издана в 1968 году). В тексте Дереша немало завуалированных отсылок к этому культовому произведению, например, своеобразно обыгрывается прыжок со скалы, который совершает группа магов Дона Хуана, в результате которого он уходит в бесконечность, а Кастанеда становится новым Нагвалем ("The Second Ring of Power", 1977). В «Немного тьмы» этот прыжок совершают две девушки гомосексуальной ориентации, осознав, что в своих экспериментах с чёрной магией зашли слишком далеко: «...стрибнути у провалля – постійно уявлявся мені як єдиний можливий вихід із ситуації. Я намагалася завершити сценарій, замкнути якесь порочне коло.... Ми стали на сам край парапету, взяли за руки і десь о третій ранку за Києвом стрибнули вниз. Хазяї квартири, на чий балкон ми впали, викликали міліцію. Нас у наручниках забрали в машину, але виявилось, що Жанна зламала собі ногу. Я заробила тріщину на великому пальці ноги» [2, с. 130]. Согласно сюжету Лорна, от имени которой в этом фрагменте ведётся повествование, в четыре года уже пыталась совершить самоубийство – спрыгнув со скалы! Таким образом, здесь мы тоже имеем дело с постмодернистской иронией: автор подшучивает не над Кастанедой, а над чересчур буквально понимающими его последователями учения Дона Хуана.

Другой книгой, следы которой отчетливо прослеживаются в «Немного тьмы», является роман Дугласа Коупленда «Generation X». Несмотря на то, что этот текст был написан канадским писателем в 1991 году, он также тесно связан с американской культурой середины XX века: как отмечает Н. Е. Полишко, «У романі „Покоління X“, як і в наступних творах Д. Коупленда, відчутна традиція нонконформістської американської літератури і літератури бітництва, з якою Д. Коупленда споріднює загострений інтерес до місця покоління у суспільстві, до його долі у переборенні назрілих суспільних конфліктів» [5]. Правда, в романе Л. Дереша социальные конфликты вряд ли являются

сюжетообразуючими, косвенно о них свидетельствует лишь образ жизни главных героев, их маргинальность: как сообщает читателю аннотация, это «шестеро майбутніх мерців: юна мазохістка, екстрасенс-невдаха, двійко дівчат із фобією переслідування, розчарований молодий програміст і Гер – панк та алхімік з глибокою душевною травмою». Важным маркером асоциальности персонажей является рок-музыка, упоминаемая в связи с ними, по замечанию В. Нарижной «Рок-н-рол сам по собі, на відміну від зразків академічної музики, був не просто жанром, а ще й світоглядною системою та соціальною позицією. Заснований на пафосі боротьби проти догм та обмежень, він не просто завойовував прихильників мелодикою або ритмом, він об'єднував між собою людей із близьким світовідчуттям та світобаченням» [4].

Более глубокие связи между романами Дереша и Коупленда прослеживаются уже на уровне композиции: сюжет обеих книг построен на историях, которые по очереди рассказывают герои. И в том, и в другом случае эти истории объясняют, каким образом рассказчики оказались в том положении, в котором их застаёт читатель. Как и Д. Коупленд, Л. Дереш попытался создать гипертекст, добавляя в роман рисунки, иллюстрирующие сюжет на определённом этапе его развития, стилизуя текст под анкету, интернет-чат, блог и смс-сообщения, вводя авторские комментарии «на полях». «Немного тьмы» так же насыщен молодёжным сленгом, имеет открытый но, предположительно, счастливый финал. Не забыт украинским автором и российский вариант «Generation X» – «Generation II» Виктора Пелевина: реплика «Пес Дець, – підказує Артём. – Забавний такий песик, що підкрадається непомітно» [2, с. 126], несомненно отсылает читателя к пелевинскому мифу о до времени спящем в северных снегах животном.

Как мы убедились, Л. Дереш не просто заимствует те или иные элементы текстов других писателей, но переосмысляет их, заставляет звучать по-новому, предлагая, в духе постмодернизма, активному читателю стать соавтором своего произведения. Интертекстуальный пласт, проанализированный нами в романе Любко Дереша, позволяет заметить одну интересную особенность: тексты, с которыми он так или иначе связан, ориентированы и на массового, и на квалифицированного читателя. То же можно сказать и о «Немного тьмы» – если оставить в стороне разнообразные аллюзии, намёки и цитаты, то мы увидим очередной «поколенческий» роман, в котором описывается «життя молоді сьогодення, де превалюють деструкція моралі та дезорієнтація у вибранні ролей у суспільстві» [1, с. 46]. Результаты анализа этого текста позволяют сделать вывод о его принадлежности к так называемой беллетристике – качественной формульной литературе, что, по-видимому, и обеспечивает популярность творчества Любко Дереша.

Библиографические ссылки

1. Герасименко Н. Наші підлітки – жертви С. Кінга: [Текст] / Н. Герасименко // Слово і час. – 2008. – № 4. – С. 43-48.
2. Дереш Л. Трохи п'їтьми, або на краю світу: [Текст] / Л. Дереш. – Х.: Книжковий клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2007. – 288 с.
3. Лейбер Ф. Немного мира тьмы: [Текст] // Ф. Лейбер. Избранное. В 3 т. Т. 3. Зелёное

тысячелетие / Ф. Лейбер; пер. с англ. С. Н. Колесник и Н. Н. Колесник. – К., ПТОО А.С.К., 1993. – 392 с.

4. **Наріжна В.** Музичні алюзії як засіб образотворення в романі Любка Дереша «Культ»: [Електронний ресурс] / В. Наріжна. – Заголовок з екрану. – Режим доступу: <http://artvertep.dp.ua/authors/35/article/3172.html>.
5. **Полішко Н. Є.** Роман Дугласа Коупленда «Покоління Х» як відображення нових художніх тенденцій в американській літературі кінця ХХ століття: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.01.04 – зарубіжна література.: [Текст] / Н.Є. Полішко. – Д., 2004. – 16 с.
6. **Поліщук О.** Стьоб в українській сьогочасній літературі: [Текст] / О. Поліщук // Слово і час. – 2009. – № 11. – С. 68-74.

Надійшла до редколегії 21.05.2009.

УДК 882.09

О. І. Кобзар

Полтава

АСПЕКТИ ВИВЧЕННЯ МІФОЛОГІЧНОГО МОДУСУ У ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВІ

Розглядається проблема існування та функціонування міфологічного модусу в літературі. Доводиться, що між міфологією та літературою існують довгострокові неоднозначні, діалектично-протирічливі зв'язки, котрі в процесі суспільного та духовного розвитку людства набувають різного змісту та вираження. Дослідження міфологічного дискурсу дозволяє встановити присутність та особливості функціонування міфологічних моделей у художніх творах.

Ключові слова: міфологія, міф, міфопоетика, фольклор, трансформація, ритуал.

Рассматривается проблема существования и функционирования мифологического модуса в литературе. Доказывается, что между мифологией и литературой существуют долговременные неоднозначные, диалектически-противоречивые связи, которые в процессе общественного и духовного развития человечества приобретают различный смысл и выражение. Исследование мифологического дискурса позволяет установить присутствие и особенности функционирования мифологических моделей в художественных произведениях.

Ключевые слова: мифология, миф, мифопоэтика, фольклор, трансформация, ритуал.

Deals with the problem of existence and functioning of mythological modus in literature. Dialectical-contradictory and long duration ambiguous connections between mythology and literature are revealed. These connections, presented in the process of community and spiritual development of humanity, acquire different sense and expression. Study of mythological discourse helps to set the present and specific function of mythological models in the works of art.

Key words: mythology, myth, mythopoetic, folklore, transformation, ritual.

Проблеми існування та функціонування міфологічного модусу у процесі генезису культури привертала увагу мислителів від початку розвитку філософської думки, становлення якої завдячує саме спробам раціонального осмислення міфів та їх алегоричного потрактування, на що вказували у своїх дослідженнях Ф. К. Кессиді, О. Ф. Лосєв, М. І. Шахнович, М. Д. Ахундов, М. Ю. Савельєва. Зокрема О. Ф. Лосєв, досліджуючи витoki міфологічного модусу, зазначає, що міфи, які в архаїчному світі являли собою певну систему світобачення та світосприйняття, в античній філософії стають предметом аналізу та поетичним засобом висловлювання думки. Адже саме в період античності формується двошаровий простір, що включає у себе традиційні,